

На снимке: сцена из 3-го акта спектакля «Печать доверия» Н. Архангельского в постановке Тамбовского театра.

Правдивый спектакль

К ГАСТРОЛЯМ ТАМБОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

На днях в столице начались гастроли Тамбовского областного драматического театра имени Луначарского. Этот коллектив, впервые показывающий свои лучшие спектакли московским зрителям, давно уже пользуется доброй славой.

Несколько лет назад группа работников театра за создание спектакля «В Лебязьем» была удостоена Сталинской премии. После этого первая пьеса тамбовского драматурга Дементова была поставлена и в Москве — театр, следовательно, внес свою лепту в общее, важнейшее дело привлечения в драматургию свежих творческих сил.

Начиная сейчас свои гастроли в Москве, Тамбовский театр уже своим репертуаром доказывает, что это важное дело не предано забвению, что первый успех не заставил коллектив успокоиться и, как говорится, «почить на лаврах».

В гастрольной афише театра значатся четыре пьесы, которые являются новинками для столичных зрителей. Это «Пучина» А. Н. Островского, не ставившаяся в Москве вот уже полвека, это комедия английского драматурга Оливера Гольдсмита «Добрый человек», никогда еще не видевшая света московской рампы, а главное — это две новые, родившиеся на тамбовской сцене пьесы советских драматургов: вторая пьеса журналиста Д. Дементова «Родник в степи» и первая пьеса врача Н. Архангельского «Печать доверия».

Именно «Печать доверия» и открылись гастролы.

Многое привлекательно в этой пьесе. В ней, несомненно, отразился богатый жизненный и профессиональный опыт автора, налим свое художественное воплощение его мысли о благородном, высоком и трудном призвании врача. Но главное, что привлекает в этой пьесе, главное, чем владеет она, — это ее глубокая человечность, гуманность и, можно сказать, сердечность. Это ее основное достоинство дает себя знать в главной мысли произведения — мысли о том, что доверие большого, как говорит один из героев пьесы, — «вышшая награда» для врача.

Высокая гуманность исходных позиций автора, резко контрастирующая с сухостью, порой даже бесчувственностью некоторых пьес наших более опытных драматургов, заставляет подчас забывать о недостатках первого произведения Н. Архангельского. А недостатки в пьесе есть — они существенны, и преодоление многих из них, очевидно, доставило немало забот постановщику спектакля главному режиссеру театра лауреату Сталинской премии В. Галицкому и артистам.

Главный и основной недостаток «Печати доверия» заключается, на наш взгляд, в том, что в этой пьесе параллельно, редко скрепляясь между собой, развиваются две сюжетные линии: первая — это борьба молодого врача Горцевой с «лазостом и рутинной» в работе Ольховской районной больницы, вторая — это линия постепенно растущей взаимной любви Горцевой и секретаря райкома Ковригина, любви, в конце пьесы соединяющей этих достойных людей в семью.

Исполнение роли Горцевой артисткой Н. Стрелковой в свое время, немногим более года назад, когда состоялась премьера этого спектакля, вызвало довольно острый спор. Мне довелось видеть «Печать доверия» дважды — в Тамбове и теперь, когда спектакль показан в Москве. Н. Стрелкова за это время сделала большие успехи. Ее исполнение стало уверенным, целеустремленным. Она играет Горцеву непринужденно, просто, свободно, все время оттеняя главное в роли — сердечность, доброжелательность, честность.

Думается, что в споре о том, каким должен быть положительный герой современного спектакля, следует учесть опыт драматурга Н. Архангельского и артистки Н. Стрелковой: их героиня, Горцева, обладая неограниченной привлекательностью, лишена той унылой склонности поучать и наставлять всех окружающих, высказывая прописные истины.

Этим достоинством обладает и образ молодого врача Антона Калиты, которого играет А. Ермак. Честный, порывистый юноша, нетерпимый к недостаткам, горячий и порой резкий в своей принципиальности, очерчен исполнителем правдиво, свежо. Правда, артисту все же мешает иногда многословие Калиты, — автор

слишком часто заставляет Калиту пространно обосновывать свои поступки.

Еще больше страдает от многословия образ секретаря райкома Ковригина. Да и не только от многословия. В этой роли автор не избежал «стандарта положительности»: о чем бы ни сообщали его герои, тот обязательно отвечает: «Я знаю...», «Я читал...». Я хотя в начале пьесы Ковригин упрекает себя в том, что «проглядел» неполадки в работе больницы, хотя он укоряет себя — «Плохо людей еще знаешь!» — тем не менее в борьбе против недостатков, которую активно ведет Горцева, он в дальнейшем участвует очень мало и только лишь признает время от времени довольно привычные ободряющие фразы. Исполнитель этой роли И. Танин оказался в трудном положении. Ему так и не удалось изобразить образ от излишней многозначительности и бездельственности.

К счастью, ролей, подобных роли Ковригина, в пьесе больше нет. Автор тщательно и продуманно раскрывает в действии различные характеры хороших знакомых ему героев — врачей. Быть может, наиболее тщательно очерчен в пьесе и в спектакле образ Киселева, который так раз и является основным носителем недостатков, преодоленных Горцевой, — обывательского, равнодушного отношения к врачебному долгу, бездушия, доходящего до прямого цинизма. Интересно, кстати, что автор, в принципе очень доброжелательно относящийся к своим героям, по отношению к Киселеву остается до конца непримиримым и жестоким. Н. Архангельского вовсе не соблазняет возможность показать возвращение Киселева «на стезю добродетели». Напротив, с беспощадностью правдивого художника и уверенностью хирурга он обнажает омерзительные ткани этого характера, показывает глубокое моральное падение человека, чей талант погубили эгоизм, своекорыстие, зависть. Заслуженный артист РСФСР лауреат Сталинской премии И. Марин хорошо реализует авторский замысел, играя эту роль в резкой, сухой, холодной манере, с большим драматизмом раскрывая себялюбие, духовную опустошенность и озлобление Киселева.

Вполне правдивые, всякий раз отмеченные признаками определенной индивидуальности, наделенные ясной для зрителей биографией образы врачей создают артисты А. Карантаев (Зелинский), Д. Патрин (Расин), А. Балаев (Балашов), Е. Маисонтова (Кулешова). Все это не только хирурги, рентгенологи, ларингологи, все это — люди разных склонностей и привычек, различных характеров. Объединение их в цельный, здоровый, дружный коллектив — дело сложное и нелегкое. В пьесе эта сложность ощущается. В спектакле (и это, пожалуй, главное упущение постановщика) она почти незаметна. В пьесе все эти характеры даны в движении, в развитии. В спектакле они статичны, их эволюция только обозначена.

Почему это происходит? Думается, что причина таится в недостаточно активном, остром раскрытии взаимоотношений между действующими лицами. Мне кажется, что в пьесе Н. Архангельского следовало добиваться большей напряженности действия, большей темпераментности столкновений между персонажами. Тогда зрители более отчетливо ощутили бы разницу между тем застоєм и рутинной, которые царил в Ольховской больнице, когда врачи ее были разобщены, и той собранностью, целеустремленностью, которые возникли, когда усилиями Горцевой, Калиты, Сомовой работники Ольховки сплелись в единую, дружную семью.

На этом очень настаивает автор, но этого почти не замечает театр. Пятому и шестому актам, особенно пятому, нередко кажется натыком, хотя, повторяю, он «населен» интересными, своеобразными живыми людьми, и даже такие небольшие, эпизодические, но существу, роли, как роль больничной няни Дуси и дежурной сестры Веры (лауреат Сталинской премии М. Коларская и артистка С. Розенфельд), исполняются хорошо.

Дружные аллюдизменты, которыми встретили требовательные московские зрители «Печать доверия», были бесспорно заслуженными. Гастроли талантливого коллектива начались правдивым и волнующим спектаклем.

П. ВАСИЛЬЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.